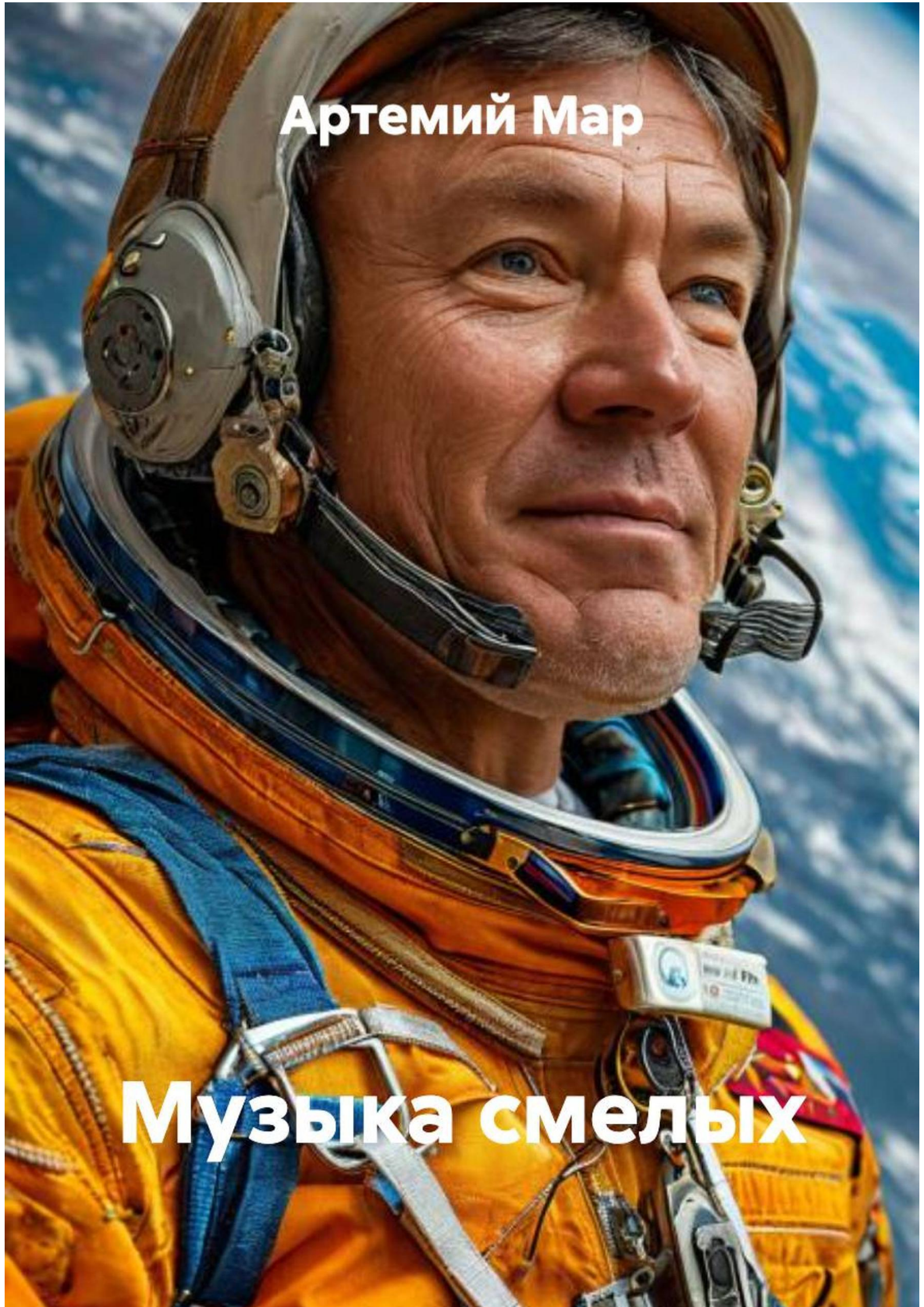

Артеми́й Ма́р

Музыка смелых

Арте́мий Ма́р

Музыка смелых

«Автор»

2026

Мар А.

Музыка смелых / А. Мар — «Автор», 2026

Эту историю рассказали мне те, кто летал. Те, кто строил. Те, кто ждал на Земле. Я только записал - цикл «Хроники российской орбиты». Олег Кananенко, легенда российской космонавтики, уходит в свой последний полёт. С собой он берёт только опыт, молодого напарника и старый якутский хомус — варган, звук которого, как он говорит, «держит душу в равновесии». Следующие сорок пять лет — это история о том, как Россия строит своё будущее на орбите и за её пределами. Семь экипажей. Семь испытаний. Ядерный буксир, биопечать в невесомости, спасение списанных спутников, поиск жизни в облаках Венеры, лунная база «Приют». Это не хроника технологий. Это хроника людей — тех, кто боится и всё равно делает, кто передаёт ключи следующему поколению, кто слышит музыку даже там, где её не может быть. «Музыка смелых» — роман о том, что Россия дала космосу будущего: не только ракеты, но и школу. Школу тех, кто умеет ждать, работать руками и помнить, откуда они родом.

© Мар А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Музыка смелых	6
«Хроники российской орбиты»	7
Рассказ 1. «Последний вагон»	8
Рассказ 2. «Пиксель»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Артемий Мар

Музыка смелых

«Поехали!»

Юрий Алексеевич Гагарин

* * *

«В космосе нет одиночек. За каждым, кто выходит за борт, стоят тысячи людей, которые сделали этот шаг возможным».

Алексей Архипович Леонов,

первый человек, вышедший в открытый космос

Музыка смелых

роман

«Хроники российской орбиты»

Эту историю рассказали мне те, кто летал.

Те, кто строил.

Те, кто ждал на Земле.

Я только записал.

Михаил Котин, журналист ТАСС

Рассказ 1. «Последний вагон»

2031 год. Центр подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина, Звёздный городок

Михаил Котин поправил очки и в двадцатый раз проверил диктофон. Пресс-конференция ещё не началась, а в зале уже негде было упасть яблоку. Журналисты, операторы, блогеры — все хотели увидеть живую легенду. Того самого человека, который провёл на орбите больше всех в истории — тысячу сто одиннадцать суток. Три года жизни в невесомости. Семь выходов в открытый космос. Рекорд, который вряд ли кто-то побьёт в ближайшие десятилетия.

Котин не был здесь случайным гостем. Он готовил большой материал для ТАСС — не сухую хронику, а портрет эпохи. Он умел видеть то, что другие пропускали: как космонавт поправляет микрофон перед ответом на неудобный вопрос, как переглядываются члены экипажа, когда речь заходит о рисках. Детали, из которых складывается правда.

В зал вошёл Олег Дмитриевич Кананенко. Шестьдесят семь лет, а походка — строевого офицера. Прямая спина, цепкий взгляд, седина только добавляла веса его словам. Он не шёл — он входил в помещение так, словно каждый шаг имел значение. Рядом с ним — молодой парень с горящими глазами, Артём Новиков. Двадцать шесть, выпускник Бауманки, первый полёт. Он смотрел на Кананенко так, как смотрят на горную вершину, на которую предстоит взойти.

Котин включил диктофон.

— Олег Дмитриевич, — выкрикнул кто-то из зала, — это ваш последний полёт. Как ощущения?

Кананенко чуть улыбнулся. Улыбка у него была скупая, но тёплая — такая появляется у людей, которые много видели и не тратят эмоции понапрасну.

— Ощущения? Как перед дальней дорогой. Чемодан собран, билет на руках, а дома сидеть уже не может. Последний вагон — это не про конец. Это про то, что надо успеть передать ключи тому, кто поедет дальше.

Он кивнул в сторону Новикова. Тот выпрямился ещё сильнее, хотя казалось, что дальше некуда. Котин отметил про себя этот жест — старый космонавт не тянул одеяло на себя, он сознательно отдавал свет софитов молодому напарнику. Редкое качество.

Артём подошёл к микрофону. Голос у него был звонкий, но без суеты — инженерная косточка чувствовалась в том, как он строил фразу:

— Я с двенадцати лет знал, что полечу. У меня на стене висела фотография Олега Дмитриевича с хомусом в невесомости. Я смотрел и думал: человек может быть там — среди звёзд — и при этом оставаться собой, помнить, откуда он родом. Это и есть настоящий космос. Не убежище от Земли, а её продолжение.

Котин быстро черкнул в блокноте: *«Новиков — не романтик, он прагматик с душой. Интересное сочетание».*

После конференции журналист поймал Кананенко в коридоре. Тот стоял у окна, выходящего на аллею с бюстами Гагарина и Королёва. Свет падал так, что лицо космонавта казалось высеченным из камня.

— Михаил, — Кананенко узнал его, они не раз пересекались на интервью, — ты ведь не просто так пришёл. Что хочешь спросить на самом деле?

Котин не стал играть в дипломатию:

— Олег Дмитриевич, правда, что на РОС идут с серьёзным недобором по системам жизнеобеспечения? Я слышал, третий модуль не успевают дооснастить.

Кананенко помолчал. Потом достал из кармана маленький хомус — тот самый, якутский, с которым не расставался с первого полёта. Повертел в пальцах.

— Знаешь, что такое хомус? Это варган. Простейший инструмент. Кусок металла и язычок. А звук из него можно извлечь такой, что мурашки по коже. Космос — он такой же. Техника может подвести. Модуль могут не доделать. Но люди, которые туда идут, — они и есть главная система. Резервная, аварийная, ручная. Всё остальное — железо.

Он убрал хомус и посмотрел Котину прямо в глаза:

— Ты пиши, как есть, Михаил. Без лакировки. Люди должны знать, что космос — это не прогулка. Это работа. Тяжёлая, грязная иногда, страшная. Но когда ты выходишь за борт и видишь Землю под собой — всю, без границ, без паспортов, — ты понимаешь, ради чего всё это. Напиши так, чтобы читатель это увидел. Не услышал в репортаже — увидел своими глазами.

Котин кивнул. Он понял задачу.

Стартовый комплекс «Восточный». Декабрь 2031 года

Ракета «Амур-СПГ» стояла на стартовом столе, окутанная облаками кислородного пара. Она была красива той особой, хищной красотой, которая свойственна всем творениям инженерной мысли, бросившим вызов гравитации. Возвращаемая первая ступень — российский ответ на многозавозность — делала её очертания чуть приземистыми, но от этого не менее величественными.

В кадре оператора, снимавшего для прямой трансляции, ракета напоминала гигантскую серебристую иглу, нацеленную в зенит. Солнце играло на обшивке, создавая блики, которые плясали по корпусу, словно живое существо дышало под металлической кожей. Пар струился из дренажных клапанов, закручиваясь в причудливые спирали на фоне пронзительно-синего декабрьского неба. А где-то там, за этой синевой, начинался космос — чёрный, бескрайний, ждущий.

В корабле «Союз-МС-37», пристыкованном к верхней ступени, экипаж занимал свои места. Кананенко — в центральном кресле командира. Новиков — слева, бортинженер. Елена Ветрова, биолог и врач экспедиции, — справа. Тридцать один год, умница, в глазах — стальной блеск человека, который знает цену каждому движению в невесомости.

Артём вёл репортаж для бортового журнала. Камера на шлеме скафандра фиксировала показания приборов, но Новиков смотрел не на них. Он смотрел на руки Кананенко. Тот проверял тумблеры — не потому, что не доверял автоматике, а потому что руки помнили. Мышечная память, нарабатанная за тысячи часов тренировок и реальных полётов, была надёжнее любого компьютера.

— Артём, — голос Кананенко прозвучал в наушниках спокойно, почти буднично, — видишь вон тот индикатор? Зелёное мерцание? Это система наддува баков. На старых «Союзах» она глючила так, что пришлось вручную клапан открывать. На высоте двести километров, в скафандре, с пультом, который от вибрации ходуном ходил. Запомни: зелёный — не всегда добро. Смотри на амплитуду мерцания. Если частота падает ниже двух герц — жди беды.

Новиков впитывал каждое слово. Это была не лекция — это была передача опыта в чистом виде. Котин, наблюдавший за стартом из пресс-центра, потом напишет в своей колонке:

«В те минуты в корабле происходило нечто большее, чем предполётная проверка. Одна эпоха космонавтики вкладывала свои инструменты в руки другой. И это, пожалуй, главное, что Россия даст космосу ближайшего будущего — не только железо, но и школу. Школу тех, кто умеет думать руками».

Старт прошёл штатно. Перегрузка вдавила экипаж в кресла — четыре с половиной «же» на участке работы первой ступени, привычное дело для опытного организма, шок для новичка. Новиков почувствовал, как лицо расплывается, как кровь отливает от глаз, как мир сужается до узкого тоннеля с яркой точкой приборной панели в центре. Перед глазамиплыли цвет-

ные пятна, грудную клетку сдавило так, что каждый вдох давался с боем. А потом — хлопок, отделение второй ступени, и внезапная, оглушительная тишина.

И... невесомость.

Артём не удержался — рассмеялся. Прямо в эфир, на всю страну. Это был смех человека, который добрался до дома, о котором мечтал всю жизнь.

Кананенко отстегнул ремни и плавно, как рыба в толще воды, выплыл из кресла. Он двигался так, словно родился в невесомости. Каждое движение было выверенным, экономным, красивым. Новиков попытался повторить — и тут же врезался головой в потолок капсулы. Ветрова прыснула.

— Первое правило орбиты, — наставительно произнёс Кананенко, помогая Артёму вернуться, — не дёргайся. Ты не на Земле. Здесь инерция — твой друг и враг одновременно. Представь, что ты в воде. Только воды нет. И дна нет. И берегов нет. Привыкай.

В иллюминаторе медленно, величественно разворачивалась Земля. Чёрный бархат космоса, прошитый немигающими точками звёзд, и под ним — живой, дышащий шар. Океаны отливали ультрамарином, облака клубились белой пеной, континенты проступали знакомыми очертаниями — вот Камчатка, вот Сахалин, вот изгиб Амура. Новиков замер. Он видел это на фотографиях, на видео, в симуляциях. Но реальность оказалась в тысячу раз острее. В горле встал ком. Он сглотнул, но ком не уходил — слишком много чувств разом.

— Олег Дмитриевич... — прошептал он.

— Знаю, — тихо ответил Кананенко. — Я сорок лет на это смотрю. И каждый раз — как в первый.

Ветрова молчала. Она тоже смотрела в иллюминатор, и в её глазах отражалась голубая планета. Космос умеет делать людей равными перед своей красотой — здесь нет чинов, нет званий, нет прошлых заслуг. Есть только ты и бесконечность.

Российская орбитальная станция. Базовый модуль. Январь 2032 года

Стыковка прошла в автоматическом режиме, но Кананенко держал руку на ручке ручного управления. Привычка, которая не раз спасала ему жизнь. «Союз» мягко коснулся стыковочного узла, захваты сомкнулись с глухим металлическим стуком, который волной прошёл по корпусу корабля. Звук был такой, словно гигантский кулак ударил в железную дверь — глухо, весомо, окончательно.

РОС встретила их гулом вентиляции и запахом нагретого пластика. Станция была новой, с иголки, но уже обжитой — предыдущая смена оставила после себя наклейки на стенах, распечатки с видами Земли, чей-то забытый носок, парящий в углу жилого отсека. Кананенко поймал носок, усмехнулся и аккуратно закрепил его липучкой к поручню.

— Домашний уют, — прокомментировал он. — Цените. Через месяц сами будете такие носки терять.

Новиков достал из личного конверта потёртый томик «Планеты людей» Сент-Экзюпери. Отец, военный лётчик, подарил его перед поступлением в Бауманку. На форзаце — одна строчка: «Летать высоко. Возвращаться вовремя». Артём провёл пальцем по корешку и закрепил книгу липучкой у изголовья своего спального мешка. Пусть будет рядом.

Первые дни ушли на расконсервацию систем. Новиков работал как одержимый — проверял кабельные трассы, тестировал резервные контуры, калибровал датчики. Ветрова разворачивала медицинский модуль и биологическую лабораторию. Кананенко... Кананенко наблюдал. Он делал это виртуозно: никогда не стоял над душой, но всегда оказывался рядом именно в тот момент, когда молодым требовалась подсказка. Он умел появляться бесшумно, как призрак, и так же бесшумно исчезать, оставляя после себя только правильное решение.

На третий день Новиков столкнулся с первой серьёзной проблемой. Один из гироскопов — силовой гироскоп, отвечающий за ориентацию станции — начал давать сбои. На диагностическом экране пульсировал жёлтый предупреждающий сигнал. Артём просидел над схемами два часа, перебрал все возможные алгоритмы, но причина ускользала.

Кананенко появился за его спиной неслышно. Просто завис в воздухе, держась кончиками пальцев за поручень.

— Покажи логи.

Новиков вывел на экран графики. Кананенко всмотрелся, прищурился, потом ткнул пальцем в едва заметный всплеск на кривой вибрации.

— Вот здесь. Видишь? Гармоника на частоте двенадцать и три десятых герца. Это не электроника, Артём. Это механика. Подшипник. Скорее всего, попала стружка при сборке. Сейчас она болтается в смазке и периодически клинит ролик.

Новиков перевёл взгляд с графика на командира и обратно. Он был потрясён. Человек увидел то, что пропустили все автоматические системы диагностики.

— И что делать?

— А что делают с заклинившим подшипником? — Кананенко улыбнулся. — Его меняют. У нас есть запасной гироскоп в грузовом отсеке. Завтра будем ставить. А пока — переходим на резервный контур ориентации. Ничего страшного, станция потерпит.

Вечером того же дня, когда Новиков и Ветрова собрались в кают-компанию на ужин — тюбики с борщом, гречкой и чаем, — Кананенко достал хомус.

— Олег Дмитриевич, а правда, что вы играли на нём в открытом космосе? — спросила Елена.

— Правда, — он повертел инструмент в пальцах. — Только звука там нет. Вакуум. Но вибрация через скафандр передаётся. Вот сюда, — он коснулся груди, — и сюда, — коснулся горла. — Получается, что музыка идёт не снаружи, а изнутри. Как сердцебиение.

Он поднёс хомус к губам. В кают-компанию поплыл низкий, вибрирующий звук — древний, как сама Земля, и одновременно космический, словно эхо далёких пульсаров. Новиков закрыл глаза. Впервые за эти сумасшедшие дни он почувствовал, как напряжение уходит из плеч.

— Знаете, что я понял за сорок лет? — Кананенко убрал хомус и посмотрел на своих молодых коллег. — Космос — он не про железо. Не про ракеты, не про модули, не про гироскопы. Он про людей. Про тех, кто смотрит на звёзды и видит не точки на небе, а дорогу. Дорогу, по которой ещё никто не ходил. И наша задача — не просто пройти по ней. Наша задача — оставить вешки для тех, кто пойдёт следом.

За иллюминатором, в чёрной бесконечности, медленно вращалась Земля. Россия как раз выплывала из тени — огромная, заснеженная, перечёркнутая лентами рек и цепочками городов, светящихся в ночи электрическими огнями.

Открытый космос. Внешняя поверхность РОС. Двое суток спустя

Скафандр «Орлан-МКС» был тяжёлым даже в невесомости. Сто шестьдесят килограммов массы, инерция, с которой приходилось бороться каждым движением. Кананенко выплыл из шлюза медленно, как водолаз, погружающийся в бездну. Фал страховки тянулся за ним серебристой пуповиной.

Новиков остался на станции. Он сидел перед монитором, на который транслировалась картинка с камеры на шлеме командира. Рядом стояла Ветрова — она следила за телеметрией скафандра: пульс, дыхание, расход кислорода, температура.

— Давление в норме, — докладывала она. — Олег Дмитриевич, как самочувствие?

— Как в колыбели, — отозвался Кananенко. Голос его был спокоен, словно он не висел над бездной в четырёхстах километрах от поверхности планеты, а сидел на веранде с чашкой чая. — Артём, видишь картинку?

Новиков впился глазами в экран. Камера показывала борт станции — белые панели терморегуляции, серебристые цилиндры модулей, чёрные глазки иллюминаторов. Солнце заливало всё это ослепительным светом, создавая резкие тени без полутонов. В космосе нет рассеянного света — только абсолютная тьма и абсолютный свет, разделённые острой, как лезвие, границей.

— Вижу, Олег Дмитриевич. Качество отличное.

— Тогда смотри и запоминай. Это второй урок. Первый был про инерцию. Второй — про страх.

Кananенко оттолкнулся от поручня и поплыл вдоль корпуса станции. Движения его были плавными, как во сне. Он не боролся с невесомостью — он использовал её.

— Страх в открытом космосе — это нормально. Он приходит не сразу. Сначала — эйфория. Вид Земли, звёзды, ощущение полёта. А потом ты вдруг понимаешь: между тобой и вечностью — только несколько слоёв ткани и резины. И вот тут важно не замереть. Не дать страху парализовать руки. Потому что руки — это единственное, что у тебя есть.

Он добрался до отсека с гиродинами. Открыл защитную панель. Внутри, в переплетении кабелей и трубок, прятался массивный цилиндр неисправного агрегата.

— Видишь красные метки? Это крепёж. Четыре болта. Откручиваешь против часовой. Запомни: в невесомости нет понятия «уронить». Если болт выскользнет из пальцев, он не упадёт. Он улетит. И может улететь очень далеко. Поэтому каждый болт — на страховочный фал. Всегда.

Новиков смотрел, затаив дыхание. На его глазах человек, которому было почти семьдесят, работал в открытом космосе с точностью часового механизма. Ни одного лишнего движения. Ни одной паузы на раздумья. Только руки, которые помнили всё.

— Есть. Гиродин отсоединён. Теперь аккуратно вынимаю...

И в этот момент станция вздрогнула.

Новиков почувствовал это всем телом — глухой удар, прошедший по корпусу, как по камертону. На экране телеметрии заплескали красные флажки аварийных сигналов.

— Что это? — голос Ветровой дрогнул.

— Не знаю, — быстро ответил Новиков, уже переключая экраны. — Давление в модулях в норме. Энергетика в норме. Это снаружи.

— Олег Дмитриевич! — Ветрова почти кричала. — У вас всё в порядке?

Пауза. Долгая, мучительная пауза, в течение которой слышно было только шипение вентиляции и стук собственного сердца.

— В порядке, — наконец отозвался Кananенко. Голос был всё таким же спокойным. — Смотрю, что это было.

Камера на шлеме дёрнулась, разворачиваясь. И Новиков увидел.

Вдоль корпуса станции, медленно вращаясь, плыл обломок. Кусок старого спутника — искореженный металл, обрывки кабелей, осколки солнечных панелей, сверкающие в солнечном свете, как битое стекло. Он прошёл в каких-то десяти метрах от того места, где висел Кananенко.

— Космический мусор, — прокомментировал командир. — Елена, передай в ЦУП: объект прошёл в опасной близости, требуется корректировка орбиты станции. Артём, ты как?

Новиков сглотнул.

— Нормально, Олег Дмитриевич. Только...

— Только что?

— Как вы так спокойно? Он же мог...

— Мог, — согласился Кананенко. — Но не задел. А раз не задел — работаем дальше. У нас гиридин на замену. Не отвлекаемся.

И он продолжил работу. Так, словно ничего не произошло. Так, словно смерть не прошла в десяти метрах от него.

Вечером, когда они втроём снова собрались в кают-компании — измотанные, но живые, с новым гиридином, исправно жужжащим в отсеке, — Новиков спросил:

— Олег Дмитриевич, а вы правда не испугались? Там, снаружи?

Кананенко долго молчал. Потом достал хомус, повертел в пальцах.

— Испугался, Артём. Очень испугался. Но есть одна вещь, которую я понял давно. Страх — это не враг. Это индикатор. Он говорит тебе: «Внимание, рядом опасность». И всё. Дальше ты сам решаешь, что делать. Замирать или двигаться. Я выбрал двигаться.

Он посмотрел в иллюминатор, где в черноте висела Земля.

— И знаешь, что я тебе скажу? Это и есть наш путь. Российский путь в космосе. Мы не боимся меньше других. Мы просто научились работать, когда страшно. Потому что космос — он для смелых. Но не для безрассудных. А для тех, кто умеет бояться и всё равно делать своё дело.

Новиков кивнул. Он понял.

А где-то далеко внизу, на Земле, Михаил Котин дописывал свою статью. Последние строки легли на бумагу сами собой:

«Олег Дмитриевич Кананенко уходит в свой последний полёт не для того, чтобы поставить точку. Он уходит, чтобы передать ключ. Ключ от космоса. И пока этот ключ передаётся из рук в руки — от Гагарина к Леонову, от Леонова к Кананенко, от Кананенко к Новикову, — Россия будет в космосе. Не потому, что у нас лучшие ракеты или самые мощные двигатели. А потому что у нас есть школа. Школа тех, кто умеет смотреть на звёзды и видеть дорогу. Школа тех, кто умеет бояться и всё равно идти вперёд. Это и есть наш главный вклад. Это и есть то, что Россия даст космосу будущего».

Эпилог рассказа. ЦУП, Королёв. Март 2032 года

Экспедиция завершилась. Кананенко, Новиков и Ветрова вернулись на Землю. Спускаемый аппарат «Союза» коснулся казахстанской степи ранним утром, подняв облако пыли и обугленной травы. Поисково-спасательная группа уже ждала.

Когда люк открыли и Кананенко, щурясь от яркого солнца, показался в проёме, кто-то из спасателей протянул ему руку. Он опёрся на неё, сделал первый шаг по твёрдой земле — и чуть покачнулся. Тысяча сто одиннадцать суток в невесомости давали о себе знать. Плюс эти четыре месяца. Но он устоял. Как всегда.

У трапа его ждал Котин.

— Олег Дмитриевич, одно слово для читателей ТАСС?

Кананенко посмотрел на небо. Где-то там, в вышине, осталась РОС — станция, которую он помогал строить, гиридин, который он менял под угрозой столкновения с обломком, и двое молодых космонавтов, которые теперь знали, что такое настоящая работа на орбите.

— Передайте им, Михаил, что последний вагон — это не конец пути. Это начало новой дороги. И по ней пойдут другие. Молодые. Сильные. Умные. А я... я буду смотреть с Земли. И играть на хомусе. Чтобы они знали: дом всегда ждёт.

Он улыбнулся своей скупой, тёплой улыбкой и медленно, опираясь на плечи спасателей, пошёл к вертолёту.

А Котин стоял и смотрел ему вслед. Он знал, что только что видел конец эпохи. И начало новой.

Рассказ 2. «Пиксель»

2035 год. Москва, деловой центр «Москва-Сити». Башня «Федерация», 67-й этаж

Михаил Котин стоял у панорамного окна и смотрел, как внизу, в серой декабрьской дымке, ползут по Садовому кольцу цепочки автомобилей. Москва жила своей обычной жизнью — спешила, гудела, дышала выхлопными газами. А здесь, на 67-м этаже, было тихо. Только кондиционер гудел да где-то в глубине офиса стучал по клавиатуре невидимый секретарь.

— Михаил, проходи, — раздался голос из-за спины.

Котин обернулся. В дверях переговорной стоял Михаил Кречетов — тридцать четыре года, бывший инженер ЦУПа, а ныне генеральный директор и единственный сотрудник компании «Пиксель-Спейс». Худощавый, с вечно взъерошенными тёмными волосами и быстрыми, как у птицы, движениями. Глаза горели тем самым огнём, который Котин безошибочно научился распознавать за годы работы в космической журналистике. Огнём одержимости.

Рядом с ним стояла девушка. Лет двадцати трёх, короткие светлые волосы, цепкий взгляд, на носу — очки в тонкой оправе. В руках — планшет с открытой схемой спутника.

— Это Вера, — представил Кречетов. — Вера Снегирёва. Мой стажёр. Пришла из МФТИ, красный диплом, хочет в космос. А я ей говорю: космос — он не только на орбите. Он и здесь, на земле, бывает.

Вера улыбнулась уголками губ. Улыбка вышла сдержанной, но тёплой — такая появляется у людей, которые привыкли думать быстрее, чем говорить.

— Михаил Сергеевич, я читала вашу статью про Кананенко, — сказала она. — Ту самую, про «последний вагон». Особенно про хомус в открытом космосе. У меня мурашки были.

Котин кивнул, принимая комплимент, но без лишней скромности. Он знал цену своей работе.

Переговорная была маленькой, арендованной по часам. На стене висел большой экран, на котором застыла карта Земли с разноцветными траекториями спутников. Рядом — кофемашина, исходящая паром, и две чашки с недопитым эспрессо.

— Спасибо, что согласился встретиться, — Кречетов пожал руку крепко, по-мужски.

— Ты сказал по телефону, что у тебя история. История, которую никто не расскажет, если не я.

Кречетов усмехнулся, провёл ладонью по волосам, отчего они встали ещё больше.

— История... Это громко сказано. Скорее, авантюра. Но если получится — это изменит правила игры. Садись.

Он кивнул на стул, а сам подошёл к экрану и вывел на него изображение спутника. Аппарат был старым — это читалось в каждой линии корпуса, в конструкции, которая явно не менялась с двадцатых годов.

— «Ресурс-ПМ» номер четыре, — начал Кречетов. — Запущен в 2026 году. Отработал штатный срок, потом ещё два года сверх него. В прошлом году «Роскосмос» вывел его из эксплуатации и собирался переводить на орбиту захоронения. Списать хотели. А я выкупил.

Котин поднял бровь.

— Выкупил? У «Роскосмоса»? Спутник?

— Да. По программе коммерциализации. Есть такая, слышал?

Котин слышал. «Роскосмос» последние годы активно продвигал идею частного космоса. Снижение стоимости запусков, аренда мощностей, передача списанных аппаратов в частные руки. Государство создавало условия, а бизнес должен был наполнить их смыслом. Пока получалось не очень — частников в российской космонавтике было меньше десяти процентов. Но те, кто приходили, приходили всерьёз.

— И зачем тебе списанный спутник? — спросил Котин, хотя уже догадывался.

Кречетов развернулся к экрану и увеличил изображение. Теперь был виден объектив камеры — большой, сложный, с множеством линз.

— Это «Геотон-Л1». Лучшая российская оптика для дистанционного зондирования Земли. Разрешение — семьдесят сантиметров на пиксель. В идеальных условиях — до сорока. Это когда с орбиты видно не просто машину, а её марку. Не просто дом, а открытое окно. Не просто лес, а каждое дерево. Ты понимаешь, что это значит?

Понимаю. Но спутник же списан. Почему?

— Гироскопы полетели, — вмешалась Вера. Она говорила быстро, но чётко, как человек, который привык к инженерной точности. — Система ориентации. Он не может держать наведение. Качается. А без стабилизации такая оптика — просто дорогая стекляшка.

— В ЦУПе решили, что ремонт нерентабелен, — добавил Кречетов. — Проще новый запустить.

— А вы решили иначе, — Котин посмотрел на них обоих.

— Мы решили, что можем починить, — сказала Вера. — Удалённо. Без выхода в космос. Без сервисной миссии. Просто переписав протоколы управления.

Кречетов посмотрел на Котина с вызовом, словно ожидая, что журналист сейчас рассмеётся и уйдёт. Но Котин не рассмеялся. Он достал диктофон, положил на стол и нажал красную кнопку.

— Рассказывай всё. С самого начала.

История Кречетова, рассказанная в переговорной.

— Я пришёл в ЦУП в двадцать четвёртом. Молодой, горячий, с дипломом МАИ. Думал, буду управлять полётами, рассчитывать траектории, может, даже к Луне приложу руку. А меня посадили на телеметрию спутников ДЗЗ. Дистанционное зондирование Земли. Скука смертная, если честно. Сидишь, смотришь на графики, отмечаешь, что всё в норме. День за днём. Месяц за месяцем.

Но потом я втянулся. Знаешь, что такое спутник ДЗЗ? Это дистанционное зондирование Земли. Это глаз. Огромный, нечеловеческий глаз, который видит Землю такой, какая она есть. Без прикрас. Без политики. Без границ. Вот лес горит в Сибири — спутник видит каждый очаг. Вот нефтяное пятно в океане — видно, как оно растекается. Вот город строится — видно, как растут кварталы. Это... затягивает. Ты начинаешь чувствовать планету. Её дыхание. Её боль.

Я проработал в ЦУПе шесть лет. А потом началась реформа. Коммерциализация. Нам сказали: ребята, космос должен приносить деньги. Хотите зарабатывать — идите в частный сектор. И я пошёл.

Кречетов сделал глоток остывшего кофе и продолжил:

— «Ресурс-ПМ» номер четыре я знал лично. Вёл его телеметрию три года. Знал каждый его чих, каждый сбой, каждый каприз. Когда объявили, что его списывают из-за гироскопов, я понял: это мой шанс. Выкупил его за символическую цену — по сути, оплатил только оформление документов. И начал думать.

Проблема была в том, что гироскопы — это механика. Подшипники, маховики, смазка. В невесомости смазка со временем деградирует, подшипники изнашиваются, и гироскоп начинает «шуметь». Вибрация передаётся на корпус, спутник теряет ориентацию. Обычное решение — замена гироскопа. Невозможно без выхода в космос. А выходить к списанному спутнику никто не будет — дорого, сложно, бессмысленно.

— Но ты придумал другое, — Котин подался вперёд.

— Мы придумали, — Кречетов кивнул на Веру.

Вера снова заговорила. Голос у неё был звонкий, но без суеты — инженерная косточка чувствовалась в том, как она строила фразу:

— У спутника есть не только гироскопы. У него есть двигатели ориентации. Маленькие, слабые, на сжатом газе. Они предназначены для коррекции орбиты. Но если написать новый протокол управления, можно использовать их для подавления вибрации. В реальном времени. Гироскоп шумит — двигатель даёт микроимпульс в противофазе. Шум гасится. Спутник стабилизируется.

Котин присвистнул.

— Это реально?

— Теоретически — да, — ответил Кречетов. — Мы проверяли на симуляциях. Работает. Но есть одна загвоздка.

— Какая?

— Время. Спутник сейчас на низкой орбите. Это ниже рабочей орбиты. Он постепенно снижается и через три месяца войдёт в плотные слои атмосферы. Сгорит. У меня есть девяносто дней, чтобы удалённо загрузить новый протокол, откалибровать систему, поднять орбиту и сделать тот самый снимок.

— Какой снимок?

Кречетов улыбнулся. Улыбка у него была мальчишеская, почти озорная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.